

Сунь Жуй снова пришла ко мне в слезах.

С тех пор как я приехал на остров Цинмэй две недели назад, она уже в третий раз с кем-то рассталась, и это происходило примерно каждые пять дней. Я не знал, то ли похвалить ее за упорство в погоне за любовью, то ли вздохнуть над ее безумной скоростью восстановления после разбитого сердца.

Не говоря уже о том, что индекс настроения над ее головой всегда колебался в районе семидесяти единиц. Ясно, что она никогда особо и не расстраивалась.

— Он был так красив, пока не снял штаны. Его мужское достоинство оказалось таким же ничтожным, как и его характер... — Сунь Жуй схватила еще одну салфетку, вытерла нос и продолжила дальше:

— Я могу терпеть все, что угодно, но только не это!

Пока она говорила, индекс ее настроения упал еще на пять единиц. Его цвет превратился в депрессивный синий. Очевидно, что для нее это было большой трагедией.

— Ладно, хватит плакать. Не то чтобы ты была так сильно в него влюблена. Просто найди кого-нибудь другого, — посоветовал я ей, откусывая мандариновое эскимо и листая мангу на коленях.

Старый напольный вентилятор медленно двигался из стороны в сторону, включенный на максимальную мощность, но ветер, которым он обдувал помещение, был горячим и душным.

На острове Цинмэй было трудно различить времена года. Даже зимой температура на острове не падала ниже пятнадцати градусов. Летом она иногда поднималась до тридцати, но никогда не превышала тридцати пяти градусов.

Сейчас было начало июля — самое жаркое время года. Утром и вечером царил прохлада, но с полудня до заката стояла невыносимая жара. Духота тоже давала о себе знать.

Таким, как я, привыкшим к мягким городским температурам, становилось трудно проводить дни здесь без кондиционера.

— Почему я никогда не встречаю хороших людей? — Сунь Жуй была накрашена, но после всех ее рыданий даже водостойкая подводка для глаз начала размазываться по лицу. Ее накладные ресницы едва держались. В порыве эмоций она сорвала их со своих век, и индекс ее настроения упал еще на пять пунктов.

Теперь она, наконец, выглядела как человек, у которого действительно было «разбито сердце».

— Глупый человек, подумать только, я потратила на него столько накладных ресниц... — она комкала руками салфетки вместе с ресницами, всхлипывая снова и снова.

Мы с Сунь Жуй – лучшие друзья детства. Когда мне было восемь лет, я впервые приехал с родителями на остров Цинмэй, чтобы навестить бабушку и отпраздновать здесь новый год, и встретил ее.

Тогда у нее была прическа под горшок. С ее громким и шумным характером я принял ее за «брата». Точно так же и она, взглянув на мои тонкие черты и спокойный нрав, подумала, что я ее новая «сестренка». Прежде чем я покинул остров, она захотела, чтобы мы поклялись друг другу как сестры, и только тогда правда вскрылась.

Каждый раз, когда приезжал на остров Цинмэй, я всегда тусовался с ней, и наша дружба только крепчала.

Когда мне было четырнадцать лет, мои родители развелись, и я переехал жить к маме. Их развод был громким и скандальным, и после того, как моя мать получила опеку надо мной, она, естественно, запретила мне иметь что-либо общее с семьей моего отца.

Только из-за сложной бумажной волокиты, связанной с изменением моего имени, она оставила мне фамилию отца. И поэтому меня до сих пор звали Юй Мянью, а не Ван – фамилия матери.

Сунь Жуй внезапно хлопнула себя по голове, словно ей в голову пришла блестящая идея.

— Юй Мянью, а почему бы тебе не стать моим парнем? Ты хорошо выглядишь. Так что, если мы будем встречаться, все точно будет мне завидовать. К тому же, мы очень хорошо друг друга знаем, так что нам не нужно бояться, что кто-то из нас засранец. Мы же не можем бросить друг друга в такой момент.

Разве можно так использовать дружбу? И кроме того, я буду не столько бойфрендом, сколько талисманом, который она повсюду станет таскать с собой, чтобы похвастаться

— Нет, спасибо, — без колебаний ответил я.

— Почему? — обиженно спросила Сунь Жуй.

Откусив еще один кусочек мороженого, я невозмутимо сказал:

— Потому что мой член тоже маленький, боюсь, ты будешь разочарована.

Сунь Жуй, фыркнув, ошеломленно посмотрела на меня. Затем цифры над ее головой начали внезапно и без предупреждения уменьшаться.

— Боже мой! — крикнула она в потолок, хлопнув по полу ладонью. — Почему ты со мной так поступаешь?!

Из открытого окна доносился громкий стрекот цикад, и их настойчивые крики отдавались эхом в моих ушах, вызывая головную боль.

Я не стал больше пытаться утешить Сунь Жуй и вместо этого сосредоточился на манге у себя руках.

Вдруг, среди звука жужжащего вентилятора и стрекота цикад, раздался еще один звук: двигатель автомобиля.

Плач Сунь Жуй прекратился почти мгновенно. Она стремительно метнулась к окну и выглянула наружу.

У меня появилось обоснованное подозрение, что она приходила ко мне после расставания на самом деле вовсе не для того, чтобы в горе искать утешения.

— Не то чтобы я видела его раньше, но готова поспорить, что член у этого человека не может быть маленьким...

Не знаю, было ли это иллюзией, но мне показалось, что у нее текла слюна, как у голодавшей несколько дней собачки, которая увидела вкусную жирную курочку.

Я закрыл мангу и присоединился к ней. Следуя ее примеру, я высунул из окна голову и посмотрел вниз.

Я слышал от деда, что три года назад в соседнем доме сменились хозяева. Туда переехал отец вместе со своей дочерью. Отцу еще не исполнилось и тридцати, он владел книжным магазином в деревне. Его пятилетняя дочь, очаровательная девочка, родилась с большими ногами и потому была вынуждена носить протез.

В соседнем дворе припарковался черный внедорожник. Со стороны водителя вышел высокий широкоплечий мужчина в белой рубашке и джинсах, подошел к заднему пассажирскому сиденью и открыл дверцу. На его руках появилась маленькая девочка в красном платье и с ободком-бантиком в волосах.

Рукава мужчины были частично закатаны, обнажая его изящные руки. Мышцы на его предплечьях вздулись от напряжения, выглядел он довольно сильным.

Из-за слов Сунь Жуй я неосознанно кинул взгляд на нижнюю половину его тела. Хотя размер его члена определить оказалось затруднительным, я заметил, что ноги у него длинные и прямые.

Через два месяца мне исполнится девятнадцать. Мой рост вряд ли превысит сто восемьдесят сантиметров, сколько бы усилий я ни приложил. Но мне очень захотелось спросить этого человека, чем его кормили в детстве, что он стал таким большим — на глаз я определил, что он не меньше ста девяноста сантиметров.

— Он такой красивый, — бормотала Сунь Жуй. — Сексуальнее любого из моих бывших.

Я повернулся, чтобы посмотреть на ее индекс настроения, и заметил, что число возросло до восьмидесяти, а депрессивный синий цвет превратился в ослепительно желтый.

Она явно изголодалась по мужскому телу.

— Не хочешь за ним приударить? Дедушка говорит, что у этого парня нет жены.

Мороженое кончилось, и во рту у меня осталась только одна палочка, из которой я высасывал легкую сладость древесных волокон.

— Я трезво себя оцениваю и понимаю, что мужчина такого уровня... Мы не одного поля ягоды, — несмотря на подобные слова, желтый цвет над головой Сунь Жуй ничуть не потускнел. — Я не обладаю сногшибательной красотой или выдающимися талантами. Обычный человек вроде меня может только восхищаться издалека.

Я обернулся и прислонился спиной к окну, усмехаясь:

— Мне кажется, ты преувеличиваешь...

— О боже, он смотрит в нашу сторону! — Сунь Жуй взвизгнула, падая на пол

Все еще держа палочку во рту, я повернулся в летнюю жару и посмотрел на этого человека.

Он отвел глаза, но наши взгляды на короткий миг встретились...

И в эту самую секунду в мое сердце как будто что-то врезалось. Оно забилось так быстро и взволнованно, словно собралось выпрыгнуть из груди.

Мой рот медленно открылся, выпуская палочку от эскимо

Я оказался загипнотизирован. Он действительно был так хорош собой...

Мужчина захлопнул дверцу машины и вошел в дом, держа дочь на руках, словно не заметил наших с Сунь Жуй заинтересованных взглядов. Даже если он и заметил, вряд ли воспринял это

всерьез.

— Ты разве не знаешь? Он - любовник мечты каждой незамужней женщины на острове. Ты не представляешь, как популярен его книжный магазин среди девушек, — в какой-то момент Сунь Жуй снова подошла к окну и посмотрела на уже опустевший двор. — Видишь этот колокольчик над его дверью?

Я надавил ладонью на грудь, чтобы успокоить свое сердцебиение.

— Ветряной колокольчик? — переспросил я, представляя после ее слов прозрачный стеклянный колокольчик, который, колыхаясь от ветра, разносил по ночам свой бесконечный звон.

Сунь Жуй заговорщически улыбнулась.

— Это «сигнал». Я слышала, что когда к нему приходит женщина, он убирает колокольчик, чтобы все знали, что этой ночью он будет не один и что его не нужно беспокоить.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить ее слова.

— И много у него женщин?

Полагаю, этого следовало ожидать. Это нормально, когда физически здоровый молодой мужчина, который еще и выглядит как знаменитость, имеет не одну партнершу для секса.

Сунь Жуй ответила

— Думаю, несколько. Он горяч и талантлив, черт возьми. Даже если он будет брать за это деньги, все равно найдется целая куча женщин, готовая с ним переспать. Но он привередлив. Он не остается на ночь, не оставляет свой номер, и не позволяет затрагивать личные темы. Кроме того, любой, кто хочет его видеть, должен ждать, пока его дочь уснет.

А Сунь Жуй, по-видимому, провела не одно расследование.

Перед тем как встать и уйти, она еще некоторое время сидела в задумчивой мечтательности. Я проводил ее к главным воротам, где встретился с дедушкой, который толкал свою тележку через дверь

— Дедушка, ты опять ходил продавать чайные яйца? — Сунь Жуй с улыбкой поприветствовала старика.

— Сяо Жуй-а, ты пришла поиграть с Мянью-Мянем? — Мой дедушка был уже слишком стар и плохо слышал, поэтому, болтая с ним, мы иногда друг друга не понимали. Но он все равно всегда был рад вести с нами беседу. — У меня еще осталось несколько чайных яиц, вот, возьми. Тебе надо больше есть, ты слишком худая

Дедушка бывал назойливым, но он много трудился.

По утрам он возился в огороде перед домом. После обеда он обычно толкал свою тележку на перекресток, чтобы продать чайные яйца. Это не приносило больших денег, но делало его счастливым.

— Спасибо, дедушка! — Сунь Жуй взяла два чайных яйца и радостно помахала рукой.

Я помог дедушке вытолкнуть во двор тележку и поставить ее у стены. Затем мой взгляд неосознанно переместился на соседний двор.

Сквозь низкую ограду из розовых кустов я увидел, что перед дверью грязно-белого трехэтажного здания действительно висел прозрачный стеклянный колокольчик.

Легкий ветерок пронесся мимо, шевеля ближайšie ветви. Звон стекла смешался со сладким ароматом роз, который по ветру словно плыл ко мне.

Мелодичный звон ветряного колокольчика сопровождал меня ночью, пока я не заснул. Я думал, что этот звук помешает мне, но каким-то образом я все же провалился в сон. Тем не менее, спал я беспокойно. Всю ночь меня мучало множество странных видений.

Я видел тот самый год, когда мне было всего десять. Тогда я упал с дерева, ударяясь головой, а затем проснулся в совершенно другом мире. В мире, где я мог видеть настроение других людей и обрел способность воспринимать настроение визуально, количественно, и даже в цвете.

Сначала я думал, что у меня особый дар, что я избранный. Я был полон желания принести пользу своей стране. Но потом мама отвела меня в больницу. Мне пришлось сдать несколько анализов, прежде чем врач пришел к выводу, что на самом деле у меня всего лишь повреждение мозга.